

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1957.1.07>

СОСТАВЛЕННАЯ В 1816 ГОДУ ЗАПИСКА ОБ «ОСВОБОЖДЕНИИ» ЭСТЛЯНДСКИХ КРЕСТЬЯН

Развитие товарного производства в сельском хозяйстве и усиление классовой борьбы, в особенности сильные крестьянские волнения, вспыхнувшие в Эстляндской губернии в 1805 году, заставили местное дворянство и царское правительство поспешно приступить к подготовке новой крестьянской реформы в этой губернии. При этом мнения царских сановников и местного дворянства разошлись. Первые хотели взять в основу подготавливаемой реформы принципы Положения об эстляндских крестьянах 1804 года (опубликованного в 1805 году) и изменить его по примеру Положения для лифляндских крестьян того же года. Разгоревшиеся вокруг этих исправлений споры между царскими сановниками и представителями прибалтийского дворянства привели в конце концов к тому, что последние решили полностью порвать с принципами крестьянской реформы 1804 года и пойти на путь «освобождения» крестьян.

Выяснение действительной сущности так называемого освобождения прибалтийских крестьян реформами 1816—1819 годов даст возможность правильно понять и осветить ряд проблем по истории СССР. Можно указать на то, что без выяснения значения реформ 1816—1819 гг. остается неполным представление о сущности аграрной политики царизма в первой четверти XIX века. В отношении «освобождения» остзейских крестьян в русском обществе вполне ясно определялись позиции как прогрессивных, так и реакционных кругов. В связи с этим знание сущности этих реформ имеет большое значение и при разработке многих проблем истории общественной мысли.

Приводимая ниже записка важна в том отношении, что она дает в довольно сжатом виде хорошую критику не только Положения об эстляндских крестьянах 1816 года, но и всего остзейского способа «освобождения» крестьян. Почти все предположения автора записки о губительных последствиях такого рода «освобождении» впоследствии оправдались.

Анализируя фактические отношения между помещиками и крестьянами и разбирая основные пункты нового закона, автор докладной записки показывает, что новый закон еще больше ухудшает положение крестьянства. Крестьянин лишается всех прав на свой клочок земли, и так как его право на передвижение также очень ограничено, то он оказывается жертвой неограниченного произвола помещика.

Публикуемая записка хранится в Центральном Государственном Историческом Архиве в Ленинграде в фонде Комиссии составления законов (фонд 1260, ед. хр. 422), в деле, озаглавленном «Дело об Эстляндских крестьянах» (в описи названо «О рассмотрении положения об Эстляндских крестьянах»). Находившаяся на листах 64—115 единицы хранения записка озаглавлена: «Записка о рассматриваемом в Государственном Совете Новом проекте Положения для Эстляндских крестьян». Датирует записку содержащееся в ней указание на то, что во время ее составления проект нового положения рассматривался в Государственном Совете, а рассматривался он там с 28 по 31 марта и 5 апреля 1816 года.¹ Кроме того в записке содержится указание на то, что с 1809 года прошло семь лет.

В деле сохранилась лишь копия записки, в которой не указываются ее авторы. Кроме того, дело это сохранилось не в архивном фонде того учреждения, которое непосредственно занималось аграрным законодательством в Эстляндии. Оно сохранилось в фонде Комиссии составления законов (1804—1825 гг.), куда проект нового закона и «...все принадлежащая к оному акты...» были переправлены по решению Государственного совета для согласования закона с существующими общегосударственными за-

¹ Axel v. Gernet, Geschichte und System des bauerlichen Agrarrechts in Estland, Reval 1901, стр. 150.

конами и редактирования его языка.² Поиски подлинника этой записки и имени ее автора (или авторов) в этом фонде и в фондах Государственного совета и собственного его величества канцелярии пока результатов не дали.

На основании записки можно считать, что ее автор (или авторы) был таким же представителем умеренно-просветительского и гуманистического мировоззрения, как и известный историк и публицист Эверс. Выступая в 1805—1806 годах против эстляндского крестьянского закона 1804 года, Эверс требовал не отмены крепостного права, а исправления эстляндского крестьянского закона по примеру лифляндского. Как видно, того самого требует и публикуемая ниже записка. Судя по содержанию самой записки, можно еще сказать, что она вероятно исходила из круга чиновников той комиссии, которая работала над исправлением эстляндского положения 1804 года, работа которой осталась безрезультатной из-за ловких маневров эстляндского рыцарства.

В записке разбирается не сам текст закона, а те шесть принципов, утвержденные царем еще в 1811 году, которые легли в основу закона. Поэтому и в записке говорится о ландтаге 1812 года, который утвердил первоначальный проект закона.

Новые крестьянские волнения, в особенности сильный подъем классовой борьбы в 1840-х годах, заставили царское правительство и прибалтийских помещиков впоследствии отказаться от принципов реформ 1816—1819 годов и приступить в 1840—1850 годах к очередному «исправлению» крестьянского законодательства. Поэтому даже такие апологеты аграрной политики прибалтийского дворянства как Гернет и Тобин не воздержались впоследствии от критики этих реформ. (Гернет приводит в своем указанном труде и довольно обстоятельное описание составления закона 1816 года.) Но при этом всегда подчеркивается, что реформы 1816—1819 годов не были «результатом органического развития», они возникли как-то случайно из-за чрезмерного увлечения теориями Адама Смита и т. д.³ Для иллюстрации обстановки возникновения этих законов Гернет приводит высказывания секретаря рыцарства Бревенна: «Ослепленные красивой идеей свободы, стараясь завоевать ее для крестьянства сразу и любой ценой построили новое здание более на теории и предположения, чем на опыты и реальные отношения.»⁴

Публикуемая ниже записка хорошо показывает, что новый закон отнюдь не был таким отвлеченным и теоретическим, как это пытался утверждать Бревенна, а воплотил в себе весьма реальные интересы помещиков. Она показывает, что чрезвычайная выгодность нового положения для помещиков и чрезвычайная тягость его для крестьян были ясны и современникам. Ряд конкретных мыслей, изложенных в записке, были хорошо известны Комиссии по устройству быта эстляндских крестьян, и председатель этой комиссии, генерал-губернатор Эстляндии принц Август Гольштейн-Ольденбург докладывал о них и царю. Современникам было отлично известно, что право требовать от крестьянина, желающего покинуть свою волюсть, чтобы он обеспечил платеж государственных податей, сильно ущемляет право крестьян на передвижение.⁵ Знали также о том, что всю эту свободу ставит под вопрос оставление полицейских прав в руках помещика.⁶ В указанной комиссии возникли даже такие вопросы, о которых принц Ольденбург поставил в известность самого царя: «Что станут делать крестьяне, коих новое положение лишает земли и не дает [им] в замену никакой собственности; и состояние крестьян вместо того чтобы быть облегчено и улучшено не будет ли гораздо хуже прежнего?»⁷ Как показывает местонахождение публикуемой записки, царское правительство познакомилось перед утверждением закона 1816 года и с ней. После всего этого можно лишь удивляться лицемерию Александра I, который при утверждении закона 1816 года нашел возможным говорить о бескорыстии и великодушии эстляндского дворянства.⁸

При данной публикации использована фотокопия, сделанная Ленинградским отделением Лаборатории Научно-прикладной фотографии и Кинематографии Академии наук СССР. Из-за тугого переплета архивного дела концы некоторых слов в копии трудно разбираемы. Слова, при расшифровке которых возникли сомнения, отмечены звездочкой. Примечания, содержащиеся в самой записке, обозначены буквами, наши комментарии — цифрами.

Ю. Ю. КАХК,
кандидат исторических наук

² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной его императорского величества канцелярии, выпуск IV (отдел II—1. Документы об освобождении Эстляндских крестьян 1811—1816 гг.), Спб. 1891, стр. 359.

³ Axel v. Ger net, указ. соч., стр. 144—145, 148.

⁴ Там же, стр. 164.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1260, оп. 1/3, г. 1816, д. 422, л. 27.

⁶ Там же, л. 33.

⁷ Там же, л. 48.

⁸ Axel v. Ger net, указ. соч., стр. 150.

ЗАПИСКА О РАССМАТРИВАЕМОМ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ НОВОМ ПРОЕКТЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДЛЯ ЭСТЛЯНДСКИХ КРЕСТЬЯН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

История дела

Его императорское величество⁹ в высочайшем указе на имя бывшего министра внутренних дел князя Куракина от 20-го июля 1809-го года изъяснить изволил:

«Проезжая в прошлом году через Эстляндию я имел случай удостовериться, что Положение в 1804-м году дворянством для определения крестьянских повинностей составленное, в некоторых пунктах требует пополнений которые бы определив с большею точностью как повинности так и отношения крестьян к помещикам, послужили к действительнейшему обеспечению взаимного их благосостояния.»

Для достижения сего намерения, сообразно собственному предположению дворянства: постепенно приготавливать крестьян своих к переходу в лучшее состояние и от времени до времени приближать еще в 1802-м году начавшееся дело к желаемой цели, е. и. в. признал нужным учредить особенный комитет, повелев войти в подробное рассмотрение всех статей Положения 1804-го года и изданных к оному дополнений, и сообразив их как с замечаниями по сему предмету в разные времена к нему представленными, так с истинным состоянием Эстляндского сельского хозяйства и с местными отношениями провинции сей к губерниям с нею смежным, поднести е. и. в. те перемены и дополнения, посредством коих вышеизъвленное желание дворянства могло бы исполнено быть к обоюдной пользе обоих сословий.^а

Вследствие сего по высочайшему повелению приглашены были ревельский губернский предводитель барон Штакельберг и один из членов Ландратской¹⁰ коллегии граф Штенбок в комитет учрежденный под председательством министра внутренних дел.

По подробному рассмотрению как Положения 1804-го года, так и объяснений представленных бароном Штакельбергом и графом Штенбоком, комитет в журнале 7-го ноября того же 1809-го года представлял заключения свои е. и. в. следующими словами:

«Доказав всеми вышеприведенными доводами:

1-е, Несовершенство Положения 1804 года в главнейших основаниях, комитет считает обязанностью приметить, что как ни несовершенно положение сие, но способ посредством коего приведено оно было в исполнение представляет еще более несовершенства, ибо ни что не ручательствует правительству, что крестьянин действительно владеет хотя сим небольшим по единственному произволу определенным ему участком и

2-е, Доказав, что Положение 1804-го года составлено вопреки начал самим дворянством предположенным.

3-е, Что Положение 1804 года не может быть приведено в действие без совершенного разорения крестьянина и

4-е, Что потому состояние крестьян не могло доселе получить ни малейшего обеспечения.

Комитет представляет вашему императорскому величеству:¹¹

1-е, Что Положение 1804-го года не может быть оставлено в настоящем его виде.

2-е, Что для ближайшего и точнейшего удостоверения, что сделанные комитетом замечания действительно основываются на истине и на экономических эстляндских расчетах, нужно собрать экстраординарный Ландтаг,¹² которому сообщив как замечания в журнале сем заключающиеся, так и правила, по коим комитет считает удобнейшим достиг цели первоначально дворянством предложенной, предписать рассмотреть оные и составить соответственно существованию правил сих новое положение, представить * в проекте непременно к 1-му июля 1810-го года через уполномоченных от дворянства на окончательное рассмотрение комитета и утверждение в. и. в.»

Сей журнал вместе с прочими членами подписан бароном Штакельбергом и графом Штенбоком и удостоен высочайшего утверждения.

⁹ В дальнейшем сокращенно — е. и. в.

^а Смотри Приложение под литером А. [Приложения не публикуются.]

¹⁰ Ландрат (земский советник) — выборная должность дворянского самоуправления в остзейских губерниях.

¹¹ В дальнейшем сокращенно — в. и. в.

¹² Ландтаги — органы дворянского самоуправления в Прибалтике, собрания им-матрикулированных (внесенных в определенный список — матрикул) дворян. Ландтаги имели право подготовить законопроекты по вопросам местного законодательства. Экстраординарный ландтаг — чрезвычайный ландтаг.

В другом журнале от 16-го января 1810-го года начертаны правила, по коим дозволялось быть составлено новое положение.

Начала, из коих извлечены были сии правила, заключались главнейше в следующем:

1-е, Не отдаляться от существенных постановлений 1802-го¹³ и 1804-го годов.

2-е, Не оставлять во всех отношениях крестьян к помещикам ничего неопределительного и

3-е, Через то привести в исполнение общее и твердое желание всего дворянства, то есть: открыть крестьянину способ к приобретению собственности, утвердить благоприобретение сие в его владении и таким образом поощрить его к трудолюбию и улучшению своего состояния.»

Следуя сим началам и желая избегнуть той неясности * от которой самые благодетельные намерения дворянства не могут произвести никакого успеха, комитет нужным признавал прежде всего определить сколь можно вразумительнейшим образом существо всех классов помещичьих крестьян,¹⁴ жительствующих в Эстляндской губернии, дабы посредством того действительнее внушить понятие как помещику о степени права его над каждым состоянием крестьян и о свойствах повинностей, которых он от каждого состояния требовать может, так и крестьянину о степени обязанностей его за получаемые им от помещика выгоды.

В заключении комитет изъяснял, что правила им изложенные должны служить источником, из коего имеют быть почерпаемы и все последующие постановления в сем отношении.

И сей журнал так же как и предыдущий утвержден был е. и. в.

Вследствие того князь Куракин препровождая правила сии к эстляндскому гражданскому губернатору Иксулю, изъяснял: что е. и. в. благоугодно, чтобы проект нового Положения представлен был непременно к 1-му числу июля комитету * через уполномоченных от дворянства на окончательное рассмотрение комитета и утверждение его императорского высочества^{15, 6}

По получении сих правил губернский предводитель объявив их на Ландтаге, донес князю Куракину, что так как возложенный труд не мог совершен быть иначе, как в течение некоторого времени то он удобнейшим счел, избрав из каждого уезда по два человека, прочих дворян распустить до того времени, когда работа окончательно может быть предложена на общее разсуждение дворянства.

Князь Куракин докладывал о сем е. и. в. и получил высочайшее повеление подтвердить как губернатору, так и предводителю, что несмотря на сей роспуск дворянства, правительство ожидать будет окончательного исполнения предписаний своих непременно в срок, то есть к 1-му числу наступающего июля месяца.

По случаю отбытия князя Куракина в Париж, заступивший его место тайный советник Козодавлев сообщил высочайшую волю сию апреля 12-го дня того же года.

Вскоре за сим и именно 12-го мая губернский предводитель барон Штакельберг от имени * всего дворянства вошел к е. и. в. со всеподданейшею просьбою об оставлении Положения 1804-го года непременно приводя в подкрепление сего искания мнение, что действие Положения 1804-го года должно по просшествии нескольких лет не смотря на укоренившуюся в крестьянах леность и нерадивость привести непременно их повсюду в цветущее состояние.

Барон Штакельберг присовокуплял к тому, что всякое новое пожертвование со стороны дворянства должно непременно унизить цену как наследственных, так и купленных имений, большую часть помещиков привести в несостояние выполнить законные обязанности их противу кредиторов, и тем расстроить связь всего дворянского сословия, а вместе и другие находящиеся с ним в связи состояния сделать безвинною жертвою теоретических правил, кои в приложении их к самому делу никогда не могут соответствовать ожиданиям и предполагаемой цели.

По выслушивании сей просьбы государь император высочайше повелеть соизволил сообщить гражданскому губернатору, чтобы он объявил в полном собрании Ландтага, что все обстоятельства в настоящей просьбе дворянства упоминаемые достаточно рассмотрены и * уважены; что исполнение обещаний сделанных дворянством не может быть отклонено ни под какими предлогами; что польза всех сословий Эстляндской губернии требует поспешнейшего прекращения настоящей неизвестности, и

¹³ В 1802 году был издан «регулятив» по крестьянскому делу, которым признавалось право крестьян владеть своим движимым имуществом (до этого все имущество крестьянина по закону принадлежало его господину) и было дано формальное обещание, что «исправные» крестьяне могут пользоваться своими арендными участками наследственно.

¹⁴ Подразумеваются держатели арендных участков — крестьяне-дворохозяева, батраки и бобыли.

¹⁵ В дальнейшем сокращенно — е. и. выс.

⁶ Смотри приложение под литером В.

что по сему е. и. в. не внемля никаким отговоркам, повелевает представить окончатель-но предписанный проект непременно к 1-му числу наступающего июля месяца.

Несмотря однако же на сие подтверждение, дворянство после многократных съездов на Ландтаг, представило в назначенный срок не проект нового положения, как то высочайше повелено было, но только некоторые дополнения к Положению 1804-го года, приводя в оправдание, что дополнения сии заключают в себе все то, что только могло быть согласено с местными обстоятельствами и со взаимными выгодами обоих сословий. При чем депутаты от лица дворянства ручались е. и. в., что и без отмены* Положения 1804 года крестьяне достаточно обеспечены будут отводимыми им участками и что повинности их ныне поставлены в точное соотношение с силою, временем и доходами их.

Дворянство присовокупляло, что если и за всем сим сделанные им пожертвования покажутся неудовлетворительными, то оно согласно уступить и еще половину подати натурою платимого каждым хозяйством, как половина с 6000 находящихся в Эстляндии гаков,¹⁶ составит ежегодно 36 000 бочек¹⁷ разного рода хлеба, а на деньги по тогдашним ценам 228 000 рублей, с тем только, чтобы Положение 1804-го года вместе с представленными дополнениями удостоено было окончательного утверждения е. и. в.

Тайный советник Козодавлев докладывал государю императору, что одного сего искания достаточно уже для подкрепления сомнений в выгодности Положения 1804-го года, ежели бы в высочайше утвержденном журнале комитета 7-го ноября 1809-го года не было уже ясными и математическими расчетами доказано, что подробности Положения нимало не соответствуют правилам самим дворянством в основании предположенным, и что полученные после того от гражданских губернаторов ревельского, рижского и проч. и от пасторов* всей Эстляндской губернии поло*жительные местные сведения сделали сии расчеты неопровержимыми.

Тайный советник Козодавлев представлял, что вследствие сего и так как неоднократно повторено уже было, что Положение 1804-го года ни под каким видом не может быть оставлено непрменным, то и не находит¹⁸ ближайшего средства для приведения дела сего к желаемому е. и. в. концу, как рассмотрев еще раз Положение и до-полнение во всех их подробностях, и истребовав от депутатов сведения и объяснения, которые дворянство поручило им представить, исполнить здесь на месте то, чего дворянство не исполнило на Ландтаге, тем более, что комитет, для вящего удостоверения в верности и точности своих расчетов и заключений имел предосторожность истребовать наперед все те материалы, которые могут быть нужны для составления нового положения, на основании правил высочайше утвержденных.

Между тем как комитет* купно с депутатами по высочайшему повелению занимался вторичным рассматриванием Положения 1804-го года и представленных депутатами дополнений, губернский предводитель барон Штакейберг умер, а заступивший его место Берг¹⁹ отправился к бывшему Ревельскому военному губернатору покойному принцу Георгу Гольштейн-Ольденбургскому в Тверь, с предложением от лица дворянства нового проекта Положения, совершенно противоположного правилам, на коих должноствовало основываться Положение предписанное е. и. в.

Проект сей под именем новой конституции без ведома комитета, которым уже окончено было повеленное рассмотрение, представлен министром внутренних дел государю императору.

Е. и. в. усмотрев из сих первоначальных начертаний, что дворянство добровольно вызывалось дать своим крестьянам полную свободу и не требовать от них ничего иначе, как по добровольному их согласию высочайше дозволил учредить особый комитет в Ревеле коего члены избраны были из среды самого дворянства под председательством военного губернатора наследного принца Августа Гольштейн-Ольденбургского для составления проекта положения на основании правил изъясненных дворянством.

Между тем комитет учрежденный в С.-Петербурге по окончании предписанного рассмотрения и по вручении замечаний своих депутатам остался без всякого действия, а депутаты взяв замечания комитета, отправились в Ревель к дворянству и более не возвращались.

Но ревельский комитет едва только начал образоваться, как достопамятная кам-

¹⁶ Как — участок арендуемой крестьянами земли, с которого они должны были каждую неделю исполнить помещику 12 дней барщины. По закону 1804 года как должен был содержать 36 тонштелов, т. е. 18 десятин или 19,6 га пахотной земли среднего качества.

¹⁷ 1 эстляндская бочка зерна = 38,76 гарнцов ≈ 5 пудов.

¹⁸ В подлиннике ошибочно «настоит».

¹⁹ Якоб Георг фон Берг (1760—1844), секретарь дворянства, двукратный предводитель дворянства и ландтаг. В 1821 году решением ландтага был исключен из списка эстляндского дворянства за растрату принадлежавших дворянскому самоуправлению денег в сумме 30 000 banco-рублей («Inland», 1844 г., № 43 и 1845 г., № 17 и 30).

пания 1812-го [года] отозвала принца к участию в славе и военных подвигах.

На время отсутствия принца, председателем комитета сделан тот же самый Берг, который и отправился от лица дворянства в Тверь.

Только по возвращении принца в Ревель, комитет с большою деятельностью после шестилетнего бездействия принялся за сочинение проекта с соблюдением глубочайшей тайны.

Тайна сия причиною была, что со времени утверждения поднесенных е. и. в. правил до отдачи проекта в Государственный совет, не только ни кто из частных людей, но даже и С.-Петербургский комитет не имел сведений о том, что происходило в Ревеле.

Проект нового положения рассматриваемый ныне в Государственном совете, не только отымает у крестьянина последнюю надежду, но угрожает ему еще вящими бедствиями.

Непременная цель е. и. в. явствующая из всех бумаг по сему делу, состояла всегда единственно в том, чтобы облегчить состояние эстляндских крестьян, приведенных в нищету противозаконным управлением помещиков; начала же на коих основан ныне представленный проект, находятся не только в совершенной противоположности с сего целью, но даже в противоположности с выгодой и самих помещиков и крестьян и целой провинции, как то доказано будет в следующих за сим примечаниях.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Примечания, обнаруживающие истинный смысл новопрожектированной конституции

Начала принятые в основани-
е проекта

Примечания

Пункт I

Эстляндское дворянство отказывается от прав своих на лица крестьян, коими пользовалось оно доселе под покровительством законов.

Вследствие сего сами собою должны пресечься и вовсе уничтожиться всякая продажа, отдача и уступка, какого бы то рода ни было, крестьян как по-одиночке, так и целыми семействами.

Оба положения заключающиеся в сем первом пункте представляют при первом взгляде две существенно важные выгоды для крестьян.

По силе первого положения помещик отречением от права на лицо крестьянина делает его совершенно свободным и вводит в сословие всех прочих свободных подданных е. и. в., не подчиненных никакой другой власти, кроме власти общих государственных законов.

По силе второго положения помещик отрекается именно от права отчуждать крестьянина каким бы то образом ни было.

Если в самом деле намерение состояло в отпуске крестьян на волю, как то ясно изображено в первом положении сего пункта, то второе положение, как только * вследствие первого начала делается совершенно бесполезным и ни к чему другому [не] служит, как только к затмению смысла и к сокрытию настоящей цели; ибо как скоро человек свободен, то разумеется, что его нельзя ни продать, ни подарить, ни уступить, если же напротив вся предоставляемая свобода состоит в том только, что нельзя будет человека продать, подарить и уступить, то кроме сего много еще есть других действий посредством которых такого рода свобода может быть превращена в сильнейшее рабство.

Если же напротив помещик, как то явствует из последующих пунктов под изречением: отречение от прав на лицо крестьянина, разумел только отречение от права отчуждения крестьянина, сохраняя все прочие права на его личность, то в теперешнем положении вещей крестьянин ничего почти чрез то не приобретает, ибо по силе Положения 1802 и 1804-го годов возможность продавать крестьян поодиночке, или целыми семействами ограничена была уже до такой степени, что при порядочном исполнении не могло бы произойти для крестьянина никакого вреда ибо помещик не мог продать крестьянина иначе, как для поправления его состояния и только с согласия крестьянского суда, которому предоставлено было право назначать того кто может быть отлучен от селения.^в

Однакоже нельзя не согласиться чтоб заключающееся в сем пункте отречение не было выражено с большою определительностью, чем прежнее только ограничение, и в сем случае эстляндское дворянство совершенно последовало примеру дворянства лифляндского.^г

^в См. Положение 1802 года, статья 5.

^г См. Положение 1804 года для лифляндских крестьян §§ 4 и 5.

Нужно теперь рассмотреть за какую цену в следующих за сим пунктах продается крестьянину столь драгоценное при первом взгляде для его преимущество.

Пункт II

Так как земля и всякого рода недвижимость остается в полной собственности у помещика, то на пользование ею собственностью должны быть заключены со взаимного согласия добровольные условия. В них * означены должны быть и повинности и работы крестьян помещику.

Сии условия зависят совершенно от добровольного с обеих сторон согласия. Дальнейшие определения о законности форм, по коим сии условия имеют быть заключаемы и отменяемы, означены будут в подробном положении.

Во втором пункте заключаются два положения.

По силе первого отъемляется у крестьянина владение тем участком земли, к которому он был привязан в течение уже нескольких веков. До сего времени все его семейство питалось произведениями сего участка, доведенного им до того состояния, в котором он ныне находится. На сем участке построено его иждивением и в поте лица убогое его жилище. Все его сердечные привязанности и помышления сосредоточены на сем участке, далее которого он не простирает своих желаний.

Пользование сим участком столь для него бесценным, обеспечено было как конституцией отечества, в котором он родился, так и правом давности владения, одним из коренных прав российского законодательства. По вызову самого дворянства права крестьянина на сие пользование подкреплены были двояким утверждением ныне царствующего императора в 1802-м и 1804-м годах.^д

И сего то пользования которое с одной стороны было для него сущою необходимою, а с другой приобретено им было самым ясным и неоспоримым образом, лишается он в замену за такую свободу, которая даже и на бумаге изъяснена самым неопределятельным образом.

Обобранный таким образом крестьянин, то есть: лишенный его участка и жилища, должен был бы умереть и с холоду и с голоду и с нищеты, но то же самое дворянство присвоившее себе исключительные и неограниченные права на участок и на жилище, которые находились во владении у того же крестьянина, предлагает ему руку помощи.

Для извлечения крестьянина из сего совершенного убожества дворянство в самом деле предлагает ему в пособие второе положение сего пункта, в котором крестьянин порабощается условиями, называемыми взаимно-добровольными.

Из предложенной дворянством конституции нельзя вразумиться, что понимает оно под словом взаимно-добровольных условий, тем более, что оно предоставило себе возможность определить смысл сего понятия в последующем подробном положении, но по рассмотрении состояния, в которое крестьянин приводится как первым пунктом, так и сим вторым пунктом, всякий ясно увидит, что условия сии не могут быть ни добровольными, ни взаимными, и что они представляют особенный род обязательств совсем нового существа, которые не будут иметь ничего общего с обыкновенными контрактами. А так как в том же втором положении сего второго пункта сказано, что в сих условиях определены будут с одной стороны образ пользования землею, а с другой повинности и работы крестьян на поместьи * и что равным образом определена будет законность форм, по каким * сии условия должны быть заключаемы и отменяемы, то из сего явствует, что сии акты * коим желают присвоить звание взаимно-добровольных контрактов, не будут иметь ни малейшего знака отмечающего добрую волю. Следовательно акты сии будут не настоящие контракты, но род незаконных вакенбухов,²⁰ т. е. таких документов, в коих определены будут работы и повинности крестьян, без соображения ни с качеством, ни с количеством земли, в которых помещики, как и исключительные и неограниченные владельцы, будут иметь равным образом исключительную и неограниченную возможность облагать крестьян такими работами и повинностями, какие им заблагорассудятся, так, что крестьянину не иначе можно будет от того избавиться, как отказавшись на веки от пользования тем участком и тем жилищем, кои предоставлены были законами ему и его наследникам.

Соединив вместе смысл обоих сих пунктов, всякий удостоверится, что крестьянин ничего другого не приобретает, как только одну мечтательную свободу, которая по тому самому и не могла быть определена с ясностью, для внезапного перехода в состояние действительного * рабства во сто раз тяжелее идущего, и тем для него жесто-

^д См. Положение 1802 и 1804 годов.

²⁰ Положения 1804 года содержали определенные нормы барщинных и других повинностей. Составленные на основании этих норм и по установленным формам арендные контракты назывались вакенбухами.

чайшего, что повидимому согласием * сим добровольно на переход сей отымет у себя право требовать удовлетворения.

Если бы не желали скрыть истинной цели, заключающей в сих двух пунктах одетых темными, запутанными и двусмысленными выражениями, то можно было те же самые вещи выразить гораздо яснее следующими словами:

«Крестьяне, кои не пожелают подвергнуться всем ограничениям в пользовании землею, всем работам и повинностям которых помещику заблагорассудится наложить на них... и равным образом всем возвышениям сих повинностей и работ в последующие времена... лишатся навсегда пользования тем участком, который они доселе обрабатывали, и на сей конец предоставится им точно столько свободы, сколько нужно для того, чтобы быть изгнанными из их жилища без всякого принуждения помещика к доставлению им пропитания.»

Пункт III

Для приобщения крестьян к новому состоянию взаимно-добровольных контрактов назначен будет четырехгодичный срок, считая со времени утверждения и обнародования нового положения (сообразно со сроком имеющей вновь наступить ревизии) в продолжении какого времени не дозволено будет ни помещикам, ни крестьянам изменять заключенных ими условий. Однако же во истечение первых десяти лет, со времени обнародования нового положения, ни один крестьянин не может быть принужден к заключению новых условий; напротив от собственной воли его зависеть будет в течение сих десяти лет сохранить спокойное пользование владением ныне участком, с тем только, чтобы отпавлять положенные на него ныне повинности и работы, и чтобы хозяйство его не было запущено, а жилье и принадлежащее к нему строение не были расстроены.

По прошествии же сих десяти лет считая со времени обнародования нового Положения никаких других отношений существовать не будет, кроме взаимно добровольных условий.²¹

По силе второго положения, после вышеупомянутых неопределенных отсрочек крестьянину в продолжении шести последующих лет предоставляется право выбрать одно из двух, или остаться в теперешнем состоянии, которое признано уже невыгодным е. и. в., или перейти в гораздо худшее состояние, как то выше было доказано, со всем * тем и сия возможность может быть еще уничтожена ограничениями, которые предоставлено определить впоследствии, а сверх того крестьянин может быть лишен сей возможности и тогда, когда запустит свое хозяйство или в чем нибудь расстроит жилище свое, построенное собственными его руками. Итак по смыслу сего закона можно будет выгнать крестьянина и за то, если кто-нибудь в избе его расшибет окошко.

По силе третьего положения крестьянин по прошествии десяти лет после обнародования, то есть после четырехлетнего претерпения теперешнего существования и после шести лет, в продолжении которых дано ему на выбор, или остаться в теперешнем бедственном состоянии, или избрать еще горшее, принуждается наконец подвергнуться последнему, посредством чего придержав крестьянина в течение неопределенного времени в теперешнем бедственном положении награждают его конституциею, которой выше * достаточно уже рассмотрено в двух предыдущих пунктах.

Дабы дать настоящую цену действий положений заключающихся в сем пункте, должно принять в уважение следующие три обстоятельства.

1-е, Что теперешнее положение эстляндских крестьян есть положение разорительное, признанное таковым самим е. и. в.

2-е, Что государь император высочайше повелеть изволил состояние сие улучшить непременно.

3-е, Что перемены предположенные в двух предыдущих пунктах вместо улучшения теперешнего состояния усугубляют разорение крестьянина.

За сим легко уже будет доказать, что ни одно из всех трех положений, заключающихся в сем третьем пункте не клонится к выгоде крестьянина.

Первым положением продолжается * теперешнее состояние признанное невыгодным, поелику крестьяне оставляются в нем на неизвестное время, то есть дотоле, пока новое Положение будет утверждено и обнародовано... да сверх того еще четыре года. А так как в течение семи лет ничего еще не сделано, то и нельзя предвидеть, когда Положение будет утверждено и обнародовано.

²¹ По окончательной редакции закона объявленный «свободным» крестьянин-дворохозяин имел право требовать, чтобы ему предоставили его участок на прежних условиях лишь на первые три года. По истечении этого срока помещик мог его выгнать (См. Полное Собрание Законов, собрание первое, т. XXXIII — 1815—1816 гг., Спб, 1830 — № 26.278, § 26.)

Пункт IV

Для отвращения бродяжничества со стороны крестьян²² и особенно со стороны тех, кои не принадлежат к так называемому классу хозяев, приняты будут меры обеспечивающие общественные безопасность и порядок. Равным образом приняты будут впоследствии меры относительно заключения и отмены контрактов, равно как учинены будут Судебные и Полицейские распоряжения.

В сем четвертом пункте заключаются три отличных друг от друга положения.

Первое относится до мер к отвращению бродяжничества.

Второе касается до мер кои приняты должны быть впоследствии относительно заключения и отмены контрактов.

Третье имеет предметом распоряжения Судебные и Полицейские.

Для того, чтобы познать истинную цену тех мер, кои приняты будут к отвращению бродяжничества, нужно было бы наперед знать, что разумело дворянство под словом бродяжничества.

В теперешнем положении в Эстляндии бродягами почитаются те только люди, кои проживают без паспортов. Для отвращения же бродяжничества существуют уже нужные законы.

Предыдущими пунктами новой конституции учреждается новый род бродяжничества, т. е. переход хозяев и их работников, которые находя невозможным оставаться у прежних своих помещиков, принуждены искать себе пропитания в другом месте. Сие бродяжничество есть единственный род свободы и единственное право доставленное им новою конституциею и вместе с тем выставляет единственное вознаграждение за потерю их участков и жилищ.

Если так как здесь сказано, приняты будут меры обеспечивающие общественные безопасность и порядок для отвращения бродяжничества, делающегося необходимым и узаконяемого новою конституциею, то каких²³ преград не можно будет противопоставить воле крестьянина в перемене его жилища под благовидными предложениями общественной безопасности, и кто может определить границы бесчисленным учреждениям, которые можно будет ввести постепенно под неопределенным предлогом общественного порядка?²⁴

Таким образом крестьянин получив от помещика в качестве владельца земли право которым тот же помещик в качестве правительственного чиновника может воспретить ему воспользоваться когда токмо * заблагорассудит, получит один только призыв свободы. Такого крестьянина можно сравнить с человеком, которому бы заковав в железа руки и ноги, велели делать что хочет и итти куда хочет.

Что касается до второго положения сего четвертого пункта, то есть до принятия мер впоследствии относительно заключения и отмены контрактов, то очевидно, что все те новые меры, которые будут приняты ко введению контрактов под предлогом отвращения бродяжничества, послужат новыми стеснениями свободы при заключении сих контрактов, и что сии меры будучи приняты впоследствии, должны быть * еще несправедливее от того, что не были изложены в самом начале.

Относительно отмены контрактов о котором говорено уже было во втором пункте, тогда только можно будет сказать каковы будут сии отмены для крестьянина, когда известны будут подробности предположенного нового положения, но из того уже одного, что контракты могут быть отменяемы, заключить должно, что состояние крестьянина подвержено будет еще больше неизвестности нежели ныне.

²² В своем рескрипте министру внутренних дел О. П. Козодавлеву от 31 марта 1811 г. Александр I требовал, чтобы при составлении закона об освобождении крестьян в Эстляндии были постановлены меры «... к удержанию крестьян от бродяжничества» и чтобы ответственность за платеж общественных податей была возложена на крестьянские общества (См. пункт V; Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной его императорского величества канцелярии, выпуск IV, Спб. 1891, стр. 314.)

²³ В подлиннике «каким».

²⁴ Эти опасения полностью оправдались. На основании статьи 294 положения 1816 года «во избежание бродяжничества» был создан институт приходских маклеров. По смыслу закона каждый крестьянин, ухивший с прежнего арендного участка или батрацкого места, должен был заявить об этом приходскому маклеру, который направлял его на новое место работы. Если крестьянин этого не делал, и более двух недель «праздно шатался», его передавали в полицейский суд для наказания (§§ 304—305). В действительности дело обстояло проще. Никаких маклеров не назначали, а местный помещик сам или приходской судья (тоже помещик) каждый год определял «свободных людей» по своему усмотрению на работу, подвергая сопротивляющихся телесному наказанию (См. «Известия Академии наук Эстонской ССР», 1955 г., № 3, стр. 370).

Касательно третьего положения сего четвертого пункта, в коем предполагается также впоследствии принять меры судебные и полицейские вероятно по тем же самым предметам, нельзя ничего другого сказать кроме того, что под предлогом сих мер предполагается вероятно определить новые ограничения единственному роду свободы, которую повидимому хотели даровать крестьянину, то есть, свободу переменять жилище, посредством стеснения крестьянина в употреблении сей свободы с одной стороны распоряжениями полицейскими, а с другой распоряжениями судебными.

Пункт V

Все общественные подати, которыми помещики не обложены, оставаться будут на ответственности крестьянских обществ согласно с государственными узаконениями, владельцы же земли ни мало за оные не отвечают.

В теперешнем положении, эстляндский крестьянин владеет участком земли, с которого сверх отправления повинности помещику, он достает себе пропитание и платит казенные подати, несмотря однако-же на то, помещик должен пешись о том, чтобы не было недоимок.

В том положении, в которое в силу предыдущих пунктов крестьянин принужден будет перейти, в котором он должен будет лишиться пользования участком и следовательно средств к платежу казенных податей, и в котором крестьянский участок отдан будет в исключительную и неограниченную собственность помещику и через то усугубит средства помещика к ответственности, ответственность сия должна будет лежать не на помещиках, но на крестьянских обществах.

После толь странного отступления от коренных начал, наблюдаемых во всей России, при взыскании податей, любопытно знать с одной стороны, каким образом крестьянские общества будут в состоянии отвечать, а с другой, каким образом казна будет взыскивать подати?

Когда бы и в самом деле со стороны помещика предоставлена была крестьянину полная свобода переменить жилище, то крестьянские общества подверженные ответственности, не позволяли бы крестьянам удаляться от своих жилищ иначе, как по представлении достаточного обеспечения в должных ими податях, и особенно в рекрутской повинности не только на настоящее, но и на будущее время.²⁵ Но никак нельзя предположить, чтоб крестьянин, у которого отобран будет и участок земли и жилище мог иметь достаточную сумму для обеспечения, или найти законное поручительство в исправном платеже казенных податей и всех лежащих на нем казенных повинностей. Итак, крестьянскому обществу не будет настоять другого средства к обеспечению платежа казенных податей, как не позволить крестьянам удаляться от общества и следовательно принуждать их к принятию всех тех произвольных условий, которые помещику угодно будет предписать им для позволения жить на принадлежащей ему земле и возделывать такой участок, какой им будет назначен так что крестьянин в заплату за мнимую свободу был стеснен в пользовании даже и сею свободою:

Во-первых: правительственными мерами для обращения бродяжничества.

Во-вторых: последующими мерами, кои относиться будут до заключения и отмены контрактов.

В-третьих: последующими мерами судебными.

В-четвертых: последующими мерами полицейскими,

Должен будет встретить новое препятствие

Пятое: в мерах, кои общества принуждены будут предпринять к обеспечению исправного платежа податей и отправления казенных повинностей.

Но даже приняв все сие непреодолимое препятствие к пользованию даруемою свободою в замену участка и жилища, не очевидно ли, что общества быв таким образом составлены из крестьян, которые ничего иметь не будут, не имея тоже сами ничего, не могут подлежать ответственности и что казне нельзя будет никак получить следующие ей податей и повинностей.

Из всего вышесказанного явствует, что сей 5-й пункт имеет три различные действия:

1-е, он приковывает крестьянина к той земле, на которой находится ныне, и следовательно лишает его и той единственной свободы, которою намеревались ослепить его воображение.

2-е, он освобождает помещика обладающего деньгами и пользующегося властью даже и от той легкой ответственности, которой он был повержен до ныне и

3-е, он лишает казну * средств ко взысканию податей и повинностей.

²⁵ Это именно и требовалось от желающего уходить крестьянина статьей 29 положения 1816 года. Статья 580 грозила крестьянину, переменявшему свое местожительство «намерением избежать отдачи в рекруты», принудительной отдачей на военную службу.

Пункт VI

Во уважение малочисленности населения провинции и для предупреждения чтобы земледелие не лишилось нужных работников, воспрещено будет крестьянам входить в условия вне границ губернии, а равным образом воспрещено будет и заключать контракты на такие работы, которые бы могли удалить их от состояния земледельцев и от занятий принадлежащих к сельскому хозяйству.²⁶

Дабы более к тому их приохотить, дозволено будет каждому крестьянину без исключения приобретать покупкою и наследственно владеть недвижимою собственностью, как то уже было дозволено государственными законами подданным всякого состояния.

В сем пункте содержится три положения:

Смысл первого клонится к лишению крестьянина той мнимой свободы, которой обнадеживали его, как единственным вознаграждением за потерю его участка, с которого он доселе приобретал пропитание.

В первом пункте сих начал, крестьянин приобрел некоторый род, хоть мнимой свободы, пользование которой ограничено было следующими статьями, как то уже было при рассмотрении сих статей доказано. Но сие ограничение не быв еще открытым образом устремлено против свободы крестьянина, восприняло бы действие свое от влияния только помещика имеющего выгоду в лишении его свободы. Крестьянин мог бы еще избежать от сего влияния переходом в другую губернию, и следственно в самом

деле приобрести ту свободу, которую его обнадеживали для очарования его воображения. Но теперешним VI-м пунктом устанавливается формальный закон, силою которого крестьянин приковывается к своему селению навсегда.

В самом деле крестьянин, по смыслу предыдущих пунктов не имея возможности прискаты другого места в губернии, в которой новая конституция передает его совершенно воле дворянства, а по смыслу сего шестого пункта не имея возможности перейти в другую губернию, должен по необходимости оставаться навсегда при своем селении, ибо все помещики будучи связаны между собою одинакими интересами и сделав между собою стачку о существе взаимно добровольных условий, принудят крестьянина поневоле предаться произволу помещика, и взаимно-добровольно согласиться на такие условия, какие он ему предложит.

Тщетно стали бы противополгать сему что не все помещики в равной степени корыстолюбивы, и что найдутся такие, которые будучи руководствуемы великодушием, лучше согласятся пожертвовать собственным своим интересом чем требовать от крестьянина чего-либо несправедливого. Конечно такие благотворные помещики не выгонят крестьянских своих хозяев, но от того выгнанным и притесненным хозяевам будет не легче, ибо они, не найдут пустого места у такого помещика, и следственно должны будут навсегда оставаться в том же бедственном положении.

Во втором положении сего шестого пункта, воспрещается крестьянам упражняться в таких занятиях, которые бы могли отдалить их от сельского хозяйства и вывести из состояния земледельцев. Сей закон еще оскорбительнее для личной свободы, которую мнили обнадежить крестьянина и всякому очевидно, что принуждением его быть ни-

²⁶ Уже в рескрипте царя от 31 марта 1811 г. содержится постановление: «При даруемой крестьянам свободе в избрании себе места жительства ограничить их пределами Эстляндской губернии, и притом не позволять других занятий кроме земледельческих и свойственных сельскому хозяйству» (Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной его императорского величества канцелярии, выпуск IV, Спб. 1891, стр. 315) Статьями 585 и 587 положения 1816 года крестьянам Эстляндской губернии запрещалось переселяться в другие губернии и поселяться в города, пока народонаселение не умножится до 140 000 (для поселения в города соответственно — 120 000) ревизских душ, § 586 гласил: «До наступления сего срока, зависящего от приумножения населения, Эстляндский крестьянин может заключить контракты ток[мо] в самой губернии, неотвлекающие его от земледельческого состояния и сельского хозяйства [в официальном эстонском переводе сюда еще добавлено «и от других работ в имении»] или от занятия и ремесла, сопряженных с сельскою промышленностью [в эстонском переводе вместо «сопряженных с сельскою промышленностью» стоит «которые делаются для пользы имения»].» Этими ограничениями царь и эстляндские помещики, однако, уже перегибали палку. Комиссия по введению нового положения отметила уже в 1819 году, что полным запрещением крестьянам поселиться даже временно в города [а это запрещение содержалось в §§ 587—588] «отъездается случай к промышленности, которым крестьяне при крепостном праве пользовались и что в конечном счете это невыгодно и самим помещикам. Пришлось выработать специальные правила, давшие помещикам право выдавать своим крестьянам сроком на 1 год виды на проживание в городе (ЦГИАЛ, ф. 1409, оп. 1, г. 1819, д. 3221, л. 7—8).

чем другим, как только пахарем такой земли, которую у него отняли, сверх всех предшествовавших стеснений желают еще усугубить преданность его произволу помещика.

Третье положение, позволяющее крестьянам приобретать покупкою недвижимую собственность, не есть какая-либо новая милость со стороны дворянства, ибо право сие давно уже представлено всем подданным в государстве без исключения. Должно однакоже при сем случае приметить, что сей общий и благотворный закон полезен для тех только крестьян, которые имеют средство приобретать собственность, и что в Эстляндии и в теперешнее время мало таких крестьян, которые бы могли употребить дар сей в свою пользу, на будущее же время помощью новых распоряжений [в бедственное положение] переведены будут и остальные. Но если и нашелся бы крестьянин который собрав несколько деньжонок, пожелал бы приобрести землю в собственность, не имея возможности оставить Эстляндскую губернию, где почти все земли принадлежат дворянству, то от кого бы он мог купить и какую бы потребовали от него цену?

Коль скоро сии общие начала одобрены и утверждены будут е. и. в., изберется на Ландстаге комитет, которому поручено будет составить на основании оных подробное положение, которое имеет быть представлено на рассмотрение всего дворянства в экстраординарном собрании.

Так как составление подробного положения на сих началах, предположенных самим дворянством, должно быть учинено комитетом избранным самим же дворянством, и потом рассмотрено опять тем же самым дворянством, то и легко предвидеть последствия такового положения, и если следствия соответствовать будут началам, то можно поздравить эстляндского крестьянина вместо свободы с новыми тягчайшими цепями.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Заключение

Из всего вышеписанного явствует:

I) Из истории дела, что высочайше повеленное облегчение судьбы эстляндского крестьянина с 1809-го года и до сего дня, не произвело еще ни малейшего успеха.

II) Из примечаний обнаруживающих истинный смысл новопрожектированной конституции:

a) что в первом пункте крестьянин обнадеживается мечтательно свободой которая по сему самому не могла быть и определена.

b) что во втором пункте отбирают от крестьянина участок земли и жилище, которыми пользовался он испокон века вследствие провинциальной конституции, вследствие права давности владения, вследствие собственного согласия дворянства и вследствие высочайшего учреждения, и что тем же вторым пунктом крестьянин переводится внезапно в состояние рабства в самом деле гораздо сильнейшее, каково было прежде.

c) что в третьем пункте дворянство предоставляет себе возможность удерживать крестьянина в положении, которое признано бедственным самим е. и. в. столько времени, сколько нужно будет для его выгоды, а по прошествии сего неопределенного срока подвергнуть крестьянина действиям конституции, которая во сто раз хуже теперешней.

d) что в пункте четвертом, пятом и шестом личная свобода, которую повидимому хотели даровать крестьянину в награду за отнятие у него земли и жилище, ограничивается до такой степени, что крестьянину нет способа воспользоваться сим даром ни в предпринятии какой либо сходной для него работы, ни в обращении трудов своих на какую-либо полезную отрасль промышленности, от чего и выходит, что крестьянин бывший до сего привязанным к своему селению пользованием участка, делается по силе новопрожектированной конституции привязанным к сему же селению без всякого рода пользования.

e) что в пятом пункте сверх вышеописанных ограничений, помещик освобождается от всякой ответственности во взыскании казенных податей, а вместо его ответственность возлагается на общества которые ничего иметь не будут потому, что крестьяне их составляющие, также ничего не имеют, наконец

f) что седьмым пунктом отвергается дверь для введения всех тех неопределенных подробностей, которые естественным образом должны будут усугубить бедствие крестьянина.

Неизбежными последствиями такой пагубной системы должны быть непременно упадок земледелия и уменьшение населения.

Земледелие по самому существу своему не тотчас вознаграждает требуемые им капиталы и труды. По прошествии только нескольких лет при самой напряженной работе и при неуспешном трудолюбии земледелец приобретает принадлежащую ему награду. В системе сельского хозяйства есть такие части как например: садка дерев,

осушение болот, разработка пустошей, удобрение полей, улучшение скотских пород и множество других частей требующих не менее долгого времени и производящих с неменьшею медленностью свои действия, которые приносят желаемые плоды иногда только в потомстве.

В системе контрактов названных взаимно добровольными, вводимых новою конституцією, при всех возможных формах, по которым предписано будет заключать сии контракты, поверхность власти, исключительной и неограниченной собственности, покровительства и просвещения помещика над состоянием рабства, совершенной нищеты и невежества крестьянина, всегда будет склонять весы на сторону помещика, следовательно взаимно добровольные условия ни что иное выйдут как те же вакенбухи с тою только разницею, что будут отяготительнее и стеснительнее вакенбухов ныне существующих.

Будучи стеснен кратковременностью пользования, хозяин обратится тогда к источнику своего участка и к употреблению всех возможных средств, для скорейшего извлечения из оного как можно более прибыли, не заботясь о будущем, которое уже не будет принадлежать ни ему самому, ни его наследникам.

При удобности, с которою помещик может, когда заблагорассудит отобрать у крестьянина землю им обрабатываемую, что может обеспечить крестьянина, что он в старости и немощах будет пользоваться плодами трудов своих? Он не может надеяться передать плодов сих наследникам, и следовательно ни что не может побудить его к работе для неизвестных и чуждых для него преемников.

Не предвидя от работы и трудолюбия никаких других последствий, кроме возвышения повинности крестьянин по необходимости делается беспечным и нерадивым, и теряет охоту к размножению и воспитанию семейства, которому он не может оставить в наследство ничего кроме отчаяния.

Итак очевидно, что пагубная сия Система сверх запущения полей должна будет причинить и опустошение населения в провинции.

Если можно хотя на минуту усумниться в сей истине, то пусть вопросят самого эстляндского крестьянина, с одной стороны представят ему точную картину нынешнего его рабства без придачи тех улучшений, кои были ему обещаны дворянством удостоверены священным словом е. и. выс., но с сохранением пользования тем уголком земли, который был свидетелем его рождения, который должен питать его во время старости и который льстит он оставить в наследство и своим детям, а с другой стороны предложить ему мнимое благотворение взаимно добровольных контрактов, которые ему в старости и немощах ничего другого не обещают, кроме скудости и свободы умереть с голоду там, где пожелает не выходя из губернии, и пусть предоставят ему самому на выбор или мнимую свободу, или нынешнее рабство.

Самые помещики напрасно льстятся найти продолжительные пользы в столь пагубных средствах. Если в самом начале под покровительством сего притеснительного положения и удалось бы им увеличить свои доходы, то впоследствии опущение и нищета крестьян вовлекли бы самих помещиков в невозвратное разорение через истощение земель им принадлежащих.

Очевидно, что крестьянские участки при худой обработке, при нерадении и быв истощены временным пользованием таких хозяев, которые не будут иметь никакой выгоды в сохранении и удобрении их, должны будут потерять большую часть своей цены и потратить всю систему залогов как в обеспечении кредиторов, так и в обеспечении самого правительства; ибо селение, которое по системе взаимно-добровольных контрактов ныне может иметь и хозяев и работников, завтра может не иметь и никого по праву нового рода перехода. Может ли такая земля послужить основанием какому бы то ни было расчету?

Из всего вышесказанного явствует, что конституция рассматриваемая ныне в Государственном совете, стремящаяся к разрушению земледелия и населения, сих двух главнейших источников государственного богатства есть конституция разорительная и для государства и для крестьян и для помещиков.

Выгоды всех сословий в обществе связаны между собою гораздо теснее, нежели как кажется при первом взгляде, а особливо тем, которые привыкли рассматривать вещи поверхностным только образом, или так сказать схватывать одни верхи; но если последовать со вниманием за всеми неизбежными следствиями притеснительной системы, то нельзя не убедиться, что разорение земледельцев не служит к обогащению помещика.

Полная и совершенная свобода во всех сословиях есть конечно верх совершенства общественных установлений, но чтобы свобода сия могла быть введена без причинения вреда, то для сего нужно наперед:

1-е, чтобы общественное благоденствие приуготовило уже достаточное количество упражнений для всех сословий трудолюбивых жителей.

2-е, чтобы разнообразность сих упражнений представляла как мужескому, так и женскому полу всякого возраста и всякого рода физических и нравственных способностей возможность к занятиям.

3-е, чтобы многочисленность сих упражнений удерживала во всякое время работу в настоящей ее цене и защищала земледельца и работника от произвола помещиков и капиталистов.

4-е, чтобы право собственности на землю предоставлено было не одному только сословию людей, но чтобы работники в соревновании владельцев земли обретали преграду от притеснений.

5-е, чтобы в отправлении правосудия со всеми поступаемо было одинаково, ни кто бы не мог найти особенной протекции, и не более было бы деланно послабления богато, как и бедному, дворянину как и простолюдину.

6-е, чтобы раздача пособий производима была с такою деятельностью и с таким беспристрастием, чтобы сирота, старик, дряхлый и злополучный находили во всех обстоятельствах жизни предвидимых и непредвидимых, скорое и достаточное вспомоществование. Наконец

7-е, чтобы взыскание казенных податей и сбор рекрутов устроены были таким образом чтобы правительство не имело необходимости прибегать ни к ручательству помещиков, ни к ручательству крестьянских обществ для вступления податей и содержания армии в комплекте, и следственно чтобы под предлогом взыскания податей и сбора рекрутов ни помещики, ни крестьянские общества не могли никогда стеснять личной свободы.

Все сии предосторожности так необходимы, что если хотя одна из них будет упущена, то во многих обстоятельствах сама по себе весьма благотворная свобода, по причине преждевременного введения может причинить более вреда, нежели пользы.

Самые необходимые из сих предосторожностей суть те, кои непосредственно касаются до гражданской свободы, обеспечение которой от притеснений местных властей, должно предшествовать установлению личной свободы.

По сближении всех сих предосторожностей одну с другою, легко будет усмотреть, что ни истинной личной свободы, ни истинной гражданской свободы не может существовать там, где по недостатку богатств и по недостатку познаний об источниках богатств, люди приемлются в виде вещей, и где во всех отношениях как частных людей между собою, так и частных людей с правительством, число людей приемлется единственным основанием всех существующих обязательств, и что следственно произведение народного благоденствия, творящего богатства и усовершенствование общественного порядка, дающего богатствам настоящую цену, должны предшествовать введению полной личной свободы. Русская старинная пословица справедливо говорит: что за честь, коли нечего есть.

А так как в Эстляндии не иначе можно как постепенно достигнуть до такого порядка, признанного необходимым для личной свободы, то довольно покамест будет и того, если помещики при отречении от прав на лицо крестьянина, дадут им столько земли, сколько нужно на их пропитание и содержание семейства и в том количестве которое соответственно собственному и непринужденному вызову дворянства найдено уже достаточным комитетом высочайше учрежденным в С.-Петербурге.

На сих началах для всякого удобопонятных составлено уже и почти приведено к окончательному исполнению Положение для крестьян Лифляндской губернии.

Крестьяне Эстляндской губернии не могут быть менее драгоценны для чадолюбивого сердца государя, которого великодушие и благодать простираются даже на западные страны Европы. Эстляндцы находясь в том же климате и повинясь тому же правлению, как и Лифляндия имеют одинакие с ними выгоды, и нет никакого следа думать, чтобы для Эстляндии нужна была конституция отличная от Лифляндской.

Но если в самом деле эстляндцы решились уже превзойти лифляндцев (что в теперешнем положении не много трудно в улучшении участи крестьян [1]-?), то конечно улучшение сие не может быть произведено ни предположенным ныне проектом, ни каким либо другим проектом, составленным самим дворянством и рассмотренным тем же самым дворянством, имеющим слишком большое участие, чтобы можно было ожидать от него усерднейшего и чистосердечнейшего плана, нежели от членов С.-Петербургского комитета, который непрестанно возобновляющимися планами со стороны дворянства, приведен уже несколько тому лет в совершенное бездействие.

1816. AASTAL KOOSTATUD MÄRGUKIRI EESTIMAA TALURAHVA „VABASTAMISE“ KOHTA

Kaubatootmise areng põllumajanduses ja klassivõitluse teravnemine, eriti Eestimaa kubermangus 1805. aastal puhkenud suured talurahva-rahutused sundisid kohalikku aadlit ja tsaarivalitsust kiiresti asuma uue talurahvareformi ettevalmistamisele selles kubermangus. Seejuures läksid kõrgemate tsaariametnike ja kohaliku aadli arvamused lahku. Esimesed tahtsid ettevalmistatava reformi aluseks võtta 1804. a. Eestimaa talurahvaseaduse (avaldatud 1805. a.) põhimõtted, muutes neid samal aastal antud Liivimaa talurahvaseaduse eeskujul. Kõrgemate tsaariametnike ja balti aadli esindajate

vahel nende muudatuste ümber puhkenud vaidlused viisid lõppeks selleni, et aadel otsustas täielikult loobuda 1804. a. talurahvareformi põhimõttest ning asuda talurahva „vabastamise“ teele.

1816. ja 1819. aasta reformidega teostatud Baltimaade talurahva „vabastamise“ tõelise olemuse selgitamine võimaldab õigesti mõista ja valgustada rida probleeme mitte ainult Eesti NSV, vaid ka NSV Liidu ajaloos. Nii ei saa 1816. ja 1819. aasta reformide tähendust selgitamata täielikku ettekujuvust tsarismi agraarpoliitika olemusest XIX sajandi esimesel veerandil. Nende reformide olemuse tundmiseta pole võimalik ka paljude ühiskondliku mõtte ajaloo probleemide läbitöötamine, sest Baltimaade talurahva „vabastamise“ küsimuse kujunesid vene ühiskonnas selgesti välja niihästi progressiivsete kui ka reaktiivsete ringkondade seisukohad.

1816. aastal koostatud märgukiri Eestimaa talurahva „vabastamise“ kohta on tähtis selle poolest, et ta küllaltki kokkusurutud kujul annab hea kriitika mitte üksnes 1816. a. Eestimaa talurahvaseaduse, vaid üldse Baltimaadel rakendust leidnud talurahva „vabastamise“ viisi kohta. Peaaegu kõik märgukirja autori oletused sedalaadi „vabastamise“ hukutavate tagajärgede kohta osutusid täiesti õigeks.

Hinnates kainelt mõisnike ja talupoegade tegelikkust vahekorda, analüüsib märgukirja autor uue seaduse põhilisi punkte ja näitab, et uus seadus halvendab talupoegade olukorda veelgi. Talupojalt röövitakse igasugune õigus oma maalapile, ja kuna ka ta liikumisvabadus on väga piiratud, langeb talupoeg mõisniku piiramatule meelevaldalla ohvrile.

Kõnesolevat märgukirja säilitatakse Riiklikus Ajaloo Keskarhiivis Leningradis, Seaduste Koostamise Komisjoni fondis (f. 1260, sü. 422), toimikus, mille pealkirjaks on „Дело об Эстляндских крестьянах“ (nimistus nimetuse all „О рассмотрении положения об Эстляндских крестьянах“). Säilitusühikus lehekülgedel 64—115 leiduv märgukiri on realkirjastatud: „Записка о рассматриваемом в Государственном совете Новом проекте Положения для Эстляндских крестьян.“ Märgukirja aitab dateerida temas leiduv viide sellele, et tema koostamise ajal arutati uue määruuse projekti Riiginõukogus, mis teatavasti toimus 28. kuni 31. märtsini ja 5. aprillil 1816. aastal.¹ Peale selle leidub märgukirjas viide sellele, et 1809. aastast on möödunud seitse aastat.

Toimikus on säilinud vaid märgukirja ärakiri, milles pole märgitud autoreid. Pealegi pole toimik säilinud vahetult Eestimaa agrariseadusandlusega tegelnud asutuse arhiivifondis, vaid Seaduste Koostamise Komisjoni fondis (aastaist 1804—1825). Uue seaduse projekt ja „kõik tema juurde kuuluvad aktid“ saadeti kõnesolevale komisjonile Riiginõukogu otsusel, et see seadust kehtivate üleriigiliste seadustega kooskõlastaks ja keeleliselt redigeeriks.² Selle märgukirja originaali ning tema autori (või autorite) nimede otsingud nii selles kui ka Riiginõukogu ja tsaari isikliku kantselei fondides pole siiani andnud tulemusi.

Märgukirja põhjal võib arvata, et tema autor (või autorid) oli mõeldukalt valgustusliku ja humanistliku ilmavaate esindaja, nagu seda oli ka tuntud ajaloolane ja publitsist Evers. Astudes aastail 1805—1806 välja 1804. a. Eestimaa talurahvaseaduse vastu, ei nõudnud Evers pärisorjuse tühistamist, vaid Eestimaa talurahvaseaduse parandamist Liivimaa talurahvaseaduse eeskujul. Nagu nähtub, nõuab sedasama ka avaldatav märgukiri. Märgukirja enda sisu järgi otsustades võib veel öelda, et ta pärineb arvata- vasti selle komisjoni ametnike ringkonnast, kes töötas 1804. a. Eestimaa talurahvaseaduse parandamisel. Selle komisjoni töö jäi tagajärjetuks Eestimaa rüütelkonna osavate manöövrivrite tõttu.

Märgukirjas analüüsitakse mitte seaduse teksti ennast, vaid neid kuut printsiipi, mis olid tsaari poolt kinnitatud juba 1811. aastal, ning mis olid seaduse aluseks. Seepärast kõneldatakse ka märgukirjas 1812. aasta maapäevast, mis kinnitas seaduse esialgse projekti.

Uued talurahva-rahutused, eriti klassivõitluse tugev tõus 1840-ndail aastail sundis tsaarivalitsust ja Baltimaade mõisnike hiljem loobuma 1816. ja 1819. a. reformide põhimõttest ning asuma 1840—1850-ndail aastail järjekordsele talurahvaseaduste „parandamisele“. Seepärast ei hoidunud isegi säärased balti aadli agraarpoliitika apoloogid nagu Gernet ja Tobiен hiljem nende reformide kritiseerimisest. (Gernet toob oma osundatud teoses ka küllalt põhjaliku kirjelduse 1816. aasta seaduse koostamisest.) Kuid seejuures rõhutatakse alati, et 1816. ja 1819. a. reformid olnud „orgaanilise arengu tulemuseks“, et nad olevat kuidagi juhuslikult tekkinud ülemäärases innustusest Adam Smithi teooriate suhtes jne.³ Nende seaduste tekkimise olukorra illustreerimiseks esitab Gernet rüütelkonna sekretäri Breverni sõnad: „Pimestatud ilusast

¹ Axel v. Gernet, Geschichte und System des bäuerlichen Agrarrechts in Estland. Reval 1901, lk. 150.

² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной его императорского величества канцелярии, выпуск IV (отдел II—I. Документы об освобождении Эстляндских крестьян 1811—1816 гг.). Спб. 1891, lk. 359.

³ Axel v. Gernet, op. cit., lk. 144—145, 148.

vabaduse ideest, püüdes seda talurahvale kohe iga hinna eest kätte võita, ehitati uus hoone rohkem teooriale ja oletustele kui kogemusele ja reaalsele suhetele.”⁴

Avaldatav märgukiri näitab hästi, et uus seadus polnud hoopiski mitte nii abstraktne ja teoreetiline, nagu seda püüdis väita Brevern, vaid ta kehastas endas mõisnike üpris reaalseid huve. Ta näitab, et uue seaduse erakordne kasulikkus mõisnikele ja erakordne raskus talupoegadele oli selge ka kaasaegsetele. Rida märgukirjas viidatud konkreetseid puudusi olid hästi teada Eestimaa talurahva olukorda korraldavale komisjonile, kelle esimees, Eestimaa kindralkuberner Holstein-Oldenburgi prints August informeeris neist tsaarigi. Kaasaegsed teadsid vägagi hästi, et õigus nõuda oma vallast lahkuda soovivald talupojalt riiklike andamite maksmise garanteerimist, vähendab suurel määral talupoegade liikumisvabadust.⁵ Teati ka seda, et kogu selle vabaduse teeb küsitavaks politseiõiguste jätmine mõisniku kätte.⁶ Mainitud komisjonis kerkisid üles isegi niisugused küsimused, et Oldenburgi prints pidas vajalikuks pöörduda tsaari enda poole. Ta kirjutas: „Mida hakkavad tegema talupojad, keda uus määrus jätab maata ning, ei anna [neile] vastutasuks mingit varandust; ning kas talupoegade seisukord, selle asemel, et saada kergendatud ja parandatud, ei muutu palju halvemaks senisest?”⁷ Nagu avaldatava märgukirja asukoht näitab, tutvus tsaarivalitsus sellega enne 1816. a. seaduse kinnitamist. Pärast kõike seda võib vaid imestada Aleksander I silmakirjalikkuse üle, sest 1816. a. seaduse kinnitamisel pidas ta võimalikuks rääkida Eestimaa aadelkonna harukordsest omakasupüüdmatusesest ja suuremeelsusest.⁸

Kõnesoleva märgukirja publitseerimisel on kasutatud fotokoopiat, mille on teinud NSV Liidu Teaduste Akadeemia Teadusliku Rakendusfotograafia ja Kinematograafia Laboratoriumi Leningradi osakond. Arhiivitoimiku tiheda kõite tõttu on mõnede sõnade lõpud koopias raskesti mõistetavad. Sõnad, mille dešifreerimisel tekkis kahtlusi, on tähistatud tärnikesega. Märkused, mis leiduvad märgukirjas endas, on märgitud tähtedega, kommentaarid aga numbritega.

J. KAHK,
ajalooteaduste kandidaat

DIE IM JAHRE 1816 VERFASSTE DENKSCHRIFT ÜBER DIE „BEFREIUNG“ DER ESTLÄNDISCHEN BAUERN

Die Entwicklung der Warenproduktion in der Landwirtschaft und die Verschärfung des Klassenkampfes, insbesondere die im Gouvernement Estland im Jahre 1805 ausgebrochenen grossen Bauernunruhen, zwangen den estländischen Adel und die Zarenregierung, unverzüglich an die Vorbereitung einer neuen Bauernreform im Gouvernement zu gehen. Dabei zeigte es sich, dass die Ansichten der höheren Zarenbeamten mit denen des örtlichen Adels nicht übereinstimmten. Die Ersteren wollten der Reform die Prinzipien des (im Jahre 1805 veröffentlichten) Estländischen Bauerngesetzes von 1804 zugrunde legen, wobei das Gesetz nach dem Vorbild des zur selben Zeit erlassenen Livländischen Bauerngesetzes „verbessert“ werden sollte. Die Verhandlungen zwischen den höheren Zarenbeamten und den Vertretern des baltischen Adels bewegten den letzteren, auf die Prinzipien der Bauernreform von 1804 völlig zu verzichten und den Weg der „Befreiung“ der Bauern einzuschlagen.

Die Aufdeckung des wirklichen Inhalts der durch die Reformen von 1816 und 1819 zustandegebrachten „Befreiung“ der Bauern im Baltikum ermöglicht es, eine Reihe von Problemen der Geschichte nicht nur der Estnischen SSR, sondern auch der Union der SSR richtig zu beleuchten und zu verstehen. So kann das Wesen der zaristischen Agrarpolitik im ersten Viertel des 19. Jahrhunderts ohne die Aufklärung der Reformen von 1816 und 1819 nicht vollständig erfasst werden. Vom Standpunkt der Bearbeitung verschiedener Probleme der Geschichte des fortschrittlichen Denkens ist das Verständnis der genannten Reformen ebenfalls von grosser Wichtigkeit. Die Frage der „Befreiung“ des baltischen Bauernvolkes brachte nämlich die Einstellung der progressiven wie auch der reaktionären Kreise klar zum Vorschein.

Die 1816 verfasste Denkschrift über die „Befreiung“ der estländischen Bauern ist soweit wichtig, als sie in recht kompakter Form eine gute Kritik liefert nicht bloss des Estländischen Bauerngesetzes von 1816, sondern auch der Art und Weise der „Bauernbefreiung“ im Baltikum überhaupt. Fast alle vom Autor der Denkschrift gemachten Vermutungen über die unheilvollen Folgen einer solchen „Befreiung“ haben sich als richtig erwiesen. Die faktisch zwischen Gutsherrn und Bauern existierenden Verhältnisse sachlich abschätzend, beweist der Autor auf Grund der Analyse der Hauptpunkte des neuen Gesetzes, dass es die Lage der Bauern nur verschlimmert. Der Bauer wird aller Rechte auf sein Gesinde beraubt und, da er dabei eine sehr

⁴ Axel v. Gernet, op. cit., lk. 164.

⁵ Leningradi Riiklik Ajaloo Keskarhiiv, f. 1260, nim. 1/3, aasta 1816, toim. 422, l. 27.

⁶ Sealsamas, l. 33.

⁷ Sealsamas, l. 48.

⁸ Axel v. Gernet, op. cit., lk. 150.

beschränkte Bewegungsfreiheit erhält, wird er das Opfer der unbegrenzten Willkür des Gutsherrn.

Die besagte Denkschrift wird aufbewahrt im Leningrader Staatlichen Zentralarchiv für Geschichte.

Der Autor der Denkschrift ist unbekannt, da das Dokument bloss in einer Abschrift erhalten ist, die keine Autorennamen trägt. Doch kann vermutet werden, dass der Autor (oder die Autoren), gleich dem bekannten Geschichtsschreiber und Publizisten Evers, die gemässigte humanistische und aufklärende Richtung vertrat. Als Evers in den Jahren 1805—1806 gegen das Estländische Agrargesetz von 1804 Stellung nahm, forderte er nicht die Aufhebung der Leibeigenschaft, sondern die Berichtigung des Estländischen Gesetzes nach Vorbild des Livländischen. Es ist ersichtlich, dass die behandelte Denkschrift dasselbe anstrebt. Dem Inhalt nach zu urteilen, ist sie wahrscheinlich von Beamten der Kommission verfasst worden, die an der Revision des Gesetzes von 1804 tätig war. Die Arbeit dieser Kommission ist infolge geschickter Manöver der estländischen Ritterschaft fruchtlos geblieben.

Die Denkschrift analysiert nicht den Text selbst des Gesetzes, sondern die sechs Prinzipien, die bereits 1811 vom Zaren bewilligt worden sind und die Grundlage des Gesetzes bildeten. Deshalb ist in der Denkschrift auch vom Landtag von 1812 die Rede, der das ursprüngliche Projekt des Gesetzes gutheiss.

Neue Bauernunruhen, namentlich der starke Aufschwung des Klassenkampfes nach 1840, zwangen die Zarenregierung und die baltischen Gutsherrn, auf die Prinzipien von 1816 und 1819 zu verzichten und eine neue „Besserung“ der Bauerngesetze vorzunehmen. Selbst Apologeten der adligen Agrarpolitik, wie Gernet und Tobien zögern deshalb nicht, die genannten Reformen zu kritisieren. Gernet gibt uns auch eine ausführliche Beschreibung vom Gang der Arbeiten am Gesetz von 1816. Dabei wird aber stets betont, dass die Reformen von 1816 und 1819 nicht „Folge einer organischen Entwicklung“ waren, dass sie infolge übermässiger Neigung zu den Theorien Adam Smiths sozusagen zufällig entstanden, usw.¹ Zur Bestätigung dieser Umstände zitiert Gernet eine Aussage des Ritterschaftssekretärs G. v. Brevern: „Von der schönen Idee der Freiheit geblendet, im Bestreben, diese sogleich und um jeden Preis dem Landvolke zu erringen, hatte man das neue Gebäude mehr auf Theorien und Voraussetzungen, als auf Erfahrungen und realen Verhältnissen begründet.“²

Die veröffentlichte Denkschrift zeigt es schlagend, dass das neue Gesetz bei weitem nicht so abstrakt und theoretisch war, wie es Brevern zu schildern suchte, und dass es vielmehr die realen Interessen der Grundherrschaft verkörperte. Es ist ein Beweis dessen, dass es auch den Zeitgenossen einleuchtete, wie grosse Vorteile das Gesetz den Grundherren bot und wie schwer es auf den Bauern lastete. Eine Reihe der Mängel, auf die man in der Denkschrift hinwies, waren der Kommission, die sich mit der Lage der estländischen Bauern befasste, sehr wohl bekannt, und der Vorsitzende dieser Kommission, der damalige Generalgouverneur von Estland, Prinz August Holstein-Oldenburg, informierte davon den Zaren. Die Zeitgenossen wussten nur zu gut, dass das Recht, von dem seine Gemeinde verlassenden Bauern eine Bürgerschaft für die Zahlung staatlicher Abgaben zu verlangen, seine Bewegungsfreiheit bedeutend einschränkte.³ Sie wussten es ebenfalls, dass die Polizeigewalt in der Hand des Gutsherrn diese Freiheit auch sonst fraglich machte.⁴ In der Kommission wurden derartige Fragen aufgeworfen, dass es Prinz Oldenburg für angebracht hielt, dem Zaren folgendes zu schreiben: „Was sollen die Bauern anfangen, denen das neue Gesetz den Grund und Boden nimmt, ohne [ihnen] dafür irgendeine Habe als Entgelt zu geben; und wird nicht die Lage der Bauern, statt leichter und besser zu werden, noch viel schlimmer als zuvor?“⁵ Dass sich die veröffentlichte Denkschrift im Archiv unter anderen entsprechenden Aktenstücken befand, ist ein Beweis dafür, dass die Zarenregierung vor Gutheissung des Gesetzes von 1816 davon Kenntnis genommen hatte. Nach alledem kann man sich nur der Heuchelei des Zaren Alexander I. wundern, der es bei der Gutheissung für möglich hielt, von der Selbstlosigkeit und dem Grossmüt des estländischen Adels zu reden.⁶

Bei der Veröffentlichung der Denkschrift ist eine Fotokopie benutzt worden. Da das Aktenstück stramm gebunden ist, sind in der Kopie die letzten Silben einiger Wörter schwer leserlich. Diejenigen Stellen, wo die Entzifferung Zweifel bot, sind mit * vermerkt worden. In der Denkschrift selbst befindliche Bemerkungen sind mit Buchstaben, Kommentare aber mit Ziffern bezeichnet.

J. KAHK

¹ Axel v. Gernet, *Geschichte und System des bäuerlichen Agrarrechts in Estland*. Reval 1901, S. 144—145, 148.

² Ebenda, S. 164.

³ Leningrader Staatliches Zentralarchiv für Geschichte, F. 1260, 1/3, Jahr 1816, Akt 422, S. 27.

⁴ Ebenda, S. 33.

⁵ Ebenda, S. 48.

⁶ Axel v. Gernet, *op. cit.*, S. 150.